

*Отзывы о книгах Юн Чжан «Дикие лебеди» и Юрга Виле «Сибирские хайку»
(16+)*

*Рецензии на прочитанные книги
из библиотеки [«Кузнецкая»](#).*

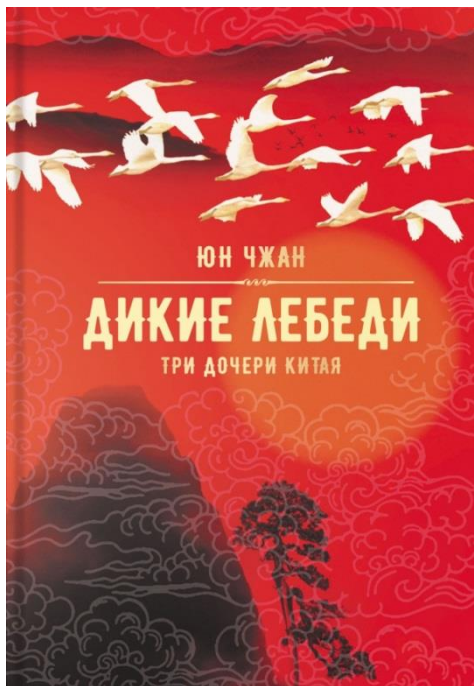
*Автор рецензий: З. Кривоусова,
август 2022 г.*

Хочу поделиться впечатлениями от прочтения двух книг: **Юн Чжан «Дикие лебеди»** (СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008) и **Юрга Виле «Сибирские хайку»** (М.: Самокат, 2021). Оба произведения я прочитала по советам подруг. Книги, хотя вроде бы совершенно разные, неожиданно совпали, как это нередко случается. Сходство их не в том даже, что авторы – женщины, что оба произведения обращены к не столь отдалённому по историческим меркам прошлому. Скорее их связывает внимание к частной жизни как главной составляющей большой истории, внимание к судьбам людей на перепутьях эпохи, а также попытка извлечь из пережитого уроки, чтобы избежать повторения ошибок.

«Дикие лебеди» Юн Чжан, английской писательницы китайского происхождения, – роман, в котором подлинные исторические события совмещены с рассказом о реальной жизни конкретных людей. Автор излагает историю своего рода в контексте общественно-политической жизни Китая XX века. Особое внимание уделяется трём представительницам женской ветви семьи: от бабушки до внучки.

Произведение привлекло меня подробным описанием незнакомого быта, обычаев, особенностей национального характера. Автор на примере своей семьи

неторопливо, детально рассказывает о том, как одна власть сменяла другую, как пришёл к управлению Мао Цзэдун, как перерождались правители и трансформировались взгляды коммунистов.

Интересно следить за изменениями в сознании верных последователей «великого кормчего», за тем, как отец и мать главной героини тяжело и долго шли к преодолению в самих себе веками сложившегося психологического поведенческого стереотипа: беспрекословного доверия,

послушания и безоговорочного подчинения верховной власти. Подкупает бесстрастность повествования, сочетающаяся с предельной искренностью и откровенностью.

Роману предшествуют два предисловия: переводчика Романа Шапиро и собственно автора. На мой взгляд, оба они настраивают на восприятие книги, поэтому пропускать их не следует.

Многое в этом произведении покажется узнаваемым отечественному читателю, знакомому с историей нашей страны. Это – и «чистка» партийных рядов, и «квоты» на выявление врагов народа, и уничтожение неугодных, и конвейер репрессий, и провокации, и доносительство, и пресечение попыток сопротивления абсурдным приказам. Нечто похожее было и у нас при Сталине, всё знакомо по произведениям Ю. Домбровского, Л. Чуковской, Г. Владимова, Е. Гинзбург, В. Тендрякова и других талантливых и честных писателей.

Возможно, в силу национального менталитета в СССР всё не зашло так далеко, как в Китае, а может быть, мы и сейчас ещё не всё знаем.

Не могу удержаться от цитирования. Как говорится, – без комментариев. Заранее приношу извинения за пространные выдержки из текста.

«Для простоты картины была установлена средняя цифра – пять процентов; именно столько правых следовало поймать» [с. 243].

Товарищ Хао (партсекретарь научно-исследовательского института в Сычуани – *З.К.*) отказался выполнять заявленную квоту по выявлению правых элементов. «Он даже лично поручился» за сотрудников. «Несколько раз его предупреждали, а, в конце концов, самого объявили правым элементом, исключили из партии и уволили с работы. <...> Теперь он за маленькую зарплату подметал лаборатории в институте, которым раньше управлял» [с. 244].

«Товарищ ИН затеял расследование, не является ли она правым элементом, но не успел предпринять никаких шагов, ибо правым элементом объявили его самого» [с. 246].

«Многие чиновники использовали кампанию для сведения личных счётов. Одни считали, что зачислить в правые своих врагов – простейший путь заполнить квоту. Другие действовали исключительно из мстительности» [с. 247].

«Система квот в сочетании с актами личной мести означала, что жертвой может стать каждый» [с. 247].

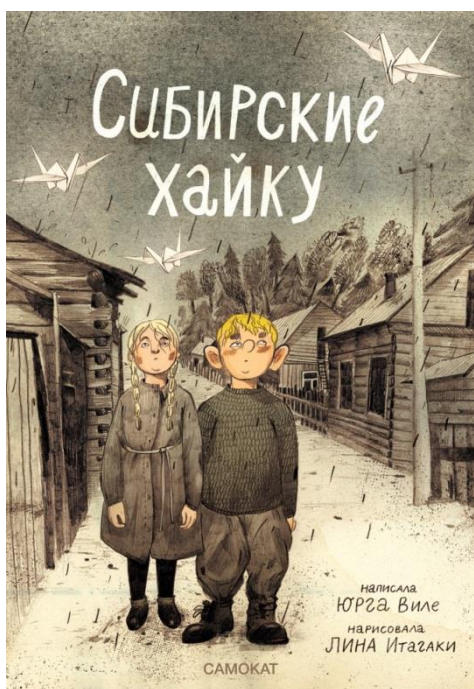
«И сами они (репрессированные – *З.К.*), и их родственники превратились в граждан второго сорта. Урок был жестокий и внятный: никакую критику не потерпят» [с. 247].

«Общественные настроения отражались в языке: среди разновидностей правых были «правые по жребью» (*чоуцянь юпай*, когда правых определяли по жребью), «правые-туалетки» (*цэсо юпай*, люди, объявленные правыми во время их отсутствия, пока они, не выдержав, уходили с бесконечного собрания в туалет). Выделялась также категория «скрывающих яд» (*юду буфан*, люди, которых причисляли к правым, несмотря на то, что они ни против кого не выступали). <...> Добрые начальники иногда поступали наоборот: «Кого мне ловить? Я не хочу никого ловить. Пусть это буду я». Таких руководителей называли «признавшийся правый» (*цзыжень юпай*)» [с. 248].

«Режим на каждом углу объявлял, что Китай – развивающаяся страна. <... Меня так раздражало это доморощенное чувство превосходства. Чем мы так гордились? Населением? Размерами страны?» [с. 563].

Думаю, книгу полезно прочесть всем, кто беспокоится о будущем своей страны и мира. Конечно, у каждого народа – своя история, но лучше учиться на чужих ошибках, чтобы не допустить своих, тем более – не повторить. Согласно с автором, в том, что единовластие, какими бы лозунгами оно не прикрывалось, как правило, приводит к бесчеловечному общественно-политическому строю.

Автор второй книги – «**Сибирские хайку**» – литовская писательница **Юрга Виле** (перевод **Александры Васильковой**), однако я бы с полным правом назвала соавтором художницу **Лину Итагаки**, поскольку жанр этого произведения можно определить как *повесть в рассказах и рисунках*.

Читатели в отзывах именуют эту книгу *комиксом*. Но я решительно не согласна с таким определением жанра, поскольку он, как ни крути, отсылает к изначальному определению «смешной», а эта история только по форме напоминает известный жанр, по сути же трагична. Другой вариант определения жанрового типа – *графический роман* – тоже представляется мне не совсем верным, поскольку, несмотря на важность и неотъемлемость рисунков, в этом произведении первичен всё-таки текст.

Повесть, как и роман Юн Чжи, написана от первого лица. Главный герой – мальчик Альгис, Альгюкас, отец автора произведения. Рассказы – его воспоминания о депортации литовцев в Алтайский край летом 1941 года. Его глазами мы видим события, через его восприятие оцениваем происходящее. Это обычный мальчик, доверчивый, открытый миру, любящий и любимый,

наделённый, как и большинство детей, ярким воображением, поэтому и рассказ его прост, незатейлив, полон искренности и веры в благополучный исход.

История расставаний и встреч, первое столкновение со злом и жестокостью, неприятие смерти и попытка преодолеть её, наивные письма папе и дяде, желание скрасить безрадостный быт, – всё это в лицах, характерах, репликах, закреплёно в рисунках, передано мастерски, так что каждый персонаж произведения воспринимается во всей индивидуальности.

Несмотря на тяжёлый материал, в книге Виле и Итагаки нет безысходности. Мне кажется, это происходит потому, что герою помнится не только плохое, страшное, но и хорошее, доброе. Это и взаимовыручка, и способность преодолевать трудности, и стремление сохранить вдали от родины память о ней, а также – помощь немногих местных жителей, без которой литовцы не выжили бы на чужой стороне и о которых с благодарностью вспоминает мама рассказчика в финале.

Возрастной адрес этой книги – ***18+***, то есть, по мнению издателей, она предназначена ***для взрослых***. На мой взгляд, её можно предложить и ***подросткам***, конечно, после предварительной беседы.